

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.06.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 05.08.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-7-166-171

ШУНДИКОВ Константин Валентинович,
доцент Северо-Западного филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: shundikovkv@yandex.ru

ДИАЛЕКТИКА УПРАВЛЕНЧЕСКОГО И САМООРГАНИЗАЦИОННОГО НАЧАЛ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация. Научная статья посвящена рассмотрению индивидуального правового договора как инструмента правовой политики современного государства. Исследовано сочетание управленческого и самоорганизационного аспектов в индивидуальном договорном регулировании, их баланс в использовании различных видов частных договоров. Сделан вывод о необходимости поиска необходимого баланса данных начал как важного условия эффективности правового регулирования.

Ключевые слова: правовое регулирование, договорное регулирование, индивидуальный правовой договор, управление, самоорганизация, конкуренция и кооперация, синергетические эффекты, эффективность правового регулирования.

SHUNDIKOV Konstantin Valentinovich,
Associate Professor of the North-Western Branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "V.M. Lebedev Russian
State University of Justice",
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

DIALECTICS OF MANAGEMENT AND SELF-ORGANIZATION IN INDIVIDUAL LEGAL REGULATION AS A FACTOR INCREASING ITS EFFECTIVENESS

Annotation. This scientific article examines the individual legal contract as a tool of legal policy in a modern state. It explores the combination of managerial and self-organizational aspects in individual contractual regulation, as well as their balance in the use of various types of private contracts. The article concludes that it is necessary to find the necessary balance of these principles as an important condition for the effectiveness of legal regulation.

Key words: legal regulation, contractual regulation, individual legal contract, management, self-organization, competition and cooperation, synergistic effects, effectiveness of legal regulation.

Своеобразным по своим сущностным и функциональным характеристикам правовым средством, применяемым на этапе индивидуального правового регулирования социальных коммуникаций, является договор.

В данной работе речь идет о договорах, которые принято называть индивидуальными или частными договорами. Такие договоры в отече-

ственной правовой доктрине не рассматриваются в качестве источников права, что отличает их от договоров нормативных по своей правовой природе. Содержание индивидуального договора связано с регламентацией конкретных, единичных социальных коммуникаций персонифицированных субъектов, с конкретизацией их взаимных прав и обязанностей, которые в абстрактной

форме установлены положениями действующего законодательства. На этом основании такого рода договоры считают особой разновидностью актов реализации права.

В специальной литературе отмечаются такие характеристики правореализационного договора, как: индивидуальные (персонифицированные) участники, конкретизированность их взаимных прав и обязанностей, однократное практическое применение, прекращение правовой связи субъектов после реализации положений заключенного соглашения [2, с 298].

Индивидуальный правовой договор является традиционным правовым инструментом регламентации социальных отношений, используется в практике правового регулирования с древних времен, и в настоящее время весьма широко распространен во всех правовых системах мира.

С точки зрения обеспечения эффективности индивидуального договорного правового регулирования важной задачей представляется рассмотрение особенностей сочетания в нем начал управления и самоорганизации.

Что касается *управленческого фактора*, то в механизме договорной правореализации он проявляет себя, прежде всего, в централизованном законодательном конструировании определенных пределов, границ, в рамках которых участники договорных процессов могут свободно проявлять свою волю и инициативу. Воля и инициатива частных лиц не может быть абсолютной и ничем не ограниченной. Соответствующие ограничения устанавливаются положениями действующего законодательства, посвященными тем или иным вопросам «договорного права».

При этом необходимо также заметить, что в процессах договорного регулирования *действие фактора внешнего управления минимизировано*. Известные принципы свободы договора и диспозитивности предполагают ограниченное вмешательство правотворческих субъектов в эту область правовой регламентации, задачей которого является создание законодательных гарантий для обеспечения и защиты общественных и государственных интересов, а также интересов самих субъектов договорных процессов. Поэтому управленческое воздействие «извне» в договорном механизме само ограничено рамками внутренней индивидуальной правовой регламентации конкретных отношений.

Так как основополагающим методом регулирования отношений в частном праве служит дозволительный метод [7], то использование института договорного регулирования также основано преимущественно на его использовании. Этот метод выражается в наделении участников договорного регулирования правом свободного

выбора, распространяющегося, как на процесс вступления в договорные отношения, так и на содержательные аспекты заключаемых контрактов. Последнее полномочие включает в себя возможность согласования таких договорных условий, которые прямо не предусмотрены законодательными нормами.

Вместе с тем, законодательные рамки свободы участников договорного правового регулирования во многом определяются спецификой законодательного подхода к данному вопросу, они зависят от пределов вмешательства государства в те или иные сферы общественной жизни, особенностями политико-государственного режима. Такие границы вариативны и подвижны, они могут меняться от самой модельной «рамочной» регламентации договорного процесса, до детального тотального управления им.

В качестве примера последнего подхода может служить практика правового регулирования в советском государстве, в котором формально отношения государства и кооперативных организаций строились на конклюдентной основе, но соответствующие соглашения между ними заключались преимущественно для обеспечения строгого выполнения государственного законодательства и государственных плановых актов. В подобной ситуации в договорном процессе фактически доминировала воля и интересы одной из сторон, что фактически нивелировало сущностные характеристики договоров, а принцип самоорганизации в правовом регулировании заменялся на принцип централизованного управления.

Природа договора как правового феномена обусловлена регламентацией данного правового института на законодательном уровне, нормативно-правовая его формализация в качестве способа установления прав и обязанностей лиц. В частности, в ст. 8 Гражданского кодекса РФ прямо закреплено положение, согласно которому гражданские права и обязанности могут порождаться не только законодательным, но и договорным регулированием общественных отношений.

Как нормативно-правовой институт частного права, договор охватывает довольно масштабный пласт нормативно-правовых предписаний Гражданского кодекса РФ. К их числу относится комплекс нормативных положений раздела I – «Общие положения», раздела II – «Право собственности и другие вещные права», раздела III – «Общая часть обязательственного права» части первой ГК РФ. Во второй части Гражданского кодекса РФ около 600 статей прямо посвящается регламентации отдельных видов и подвидов договорных обязательств [1, с. 11]. Данные законодательные положения определяют общие требования к содержанию и форме соответствующих гражданских

данско-правовых договоров, общий порядок их заключения, исполнения взятых на себя сторонами обязательств.

С учетом подобной корреляции договорного правового регулирования с регулированием законодательным, убедительным представляется образный тезис Ю. А. Тихомирова о том, что закон есть «отец договора» [5, с. 13]. Продолжение этой образной аналогии, М. И. Брагинский выразил в мысли о том, что «матерью договора» следует считать соглашение [1, с. 20]. В этих весьма метких образных выражениях удачно отражены особенности рассматриваемого явления, возникшего на пересечении централизованного и децентрализованного подходов к регламентации социальных коммуникаций.

Одной из удачных, по нашему мнению, попыток комплексного общетеоретического осмысления специфики законодательного регулирования института договора, следует считать монографическое исследование Б.И. Пугинского. В данной работе он обращает внимание на тот факт, что действующее отечественное законодательство о договоре основано преимущественно на применении дозволительного метода правовой регламентации, в связи с чем прямые законодательные запреты и императивные требования используются в данной области регулирования намного реже, по сравнению с другими сферами законодательной регламентации [4, с. 79].

Однако при этом следует учитывать, что, в зависимости от поставленных целей, законодатель пользуется при формализации института договора различными моделями правовых предписаний. В их числе присутствуют и императивные положения. Так, ГК РФ устанавливает обязательную письменную форму для некоторых видов гражданско-правовых договоров: продажи недвижимости (ст. 550), банковского вклада (ст. 836), страхования (ст. 940), коммерческой концессии (ст. 1028) и др. Невыполнение требований, предъявляемых к установленной форме договора, влечет его недействительность.

Ряд императивных требований законодательства касаются порядка заключения тех или иных соглашений. Например, согласно ст. 550 ГК РФ, договор купли-продажи недвижимого имущества обязательно должен быть заключен путем составления одного документа, подписанного сторонами. Аналогичные требования предусмотрены п. 1 ст. 651 ГК РФ по отношению к договору аренды зданий и сооружений.

Законодательные предписания в некоторых случаях обязывают стороны отражать в договоре определенные условия (например, условие о предмете договора – п.1 ст. 432 ГК РФ), однако конкретные содержательные аспекты подобных

«обязательных условий», как правило, законом не детализируются, что стимулирует участников соглашения к инициативным действиям по их формулировке [4, с. 80].

Осмысливая сочетание централизованного (законодательного) и децентрализованного компонентов в договорном регулировании, Б.И. Пугинский отмечает, что «правовые нормы определяют лишь отдельные фрагменты договора, не создавая структурно целостного, завершенного объекта. Целостный договор формируется исключительно волевым усмотрением сторон, учитывающих при этом свои интересы и возможности» [4, с. 89]. «Для разных видов договоров, – пишет он далее, – их нормативный компонент, в том числе состав подразумеваемых условий, выглядит совершенно различно. В существенно нормированных договорах, например, перевозки грузов, строительного подряда, аренды – это будет цельный костяк. В менее урегулированных договорах нормативный «скелетик» уменьшается, оказывается лишь частичным. Наконец, имеется обширная область не упоминаемых в законе договоров, у которых нормативный каркас вообще отсутствует. Их содержание целиком определяется усмотрением сторон с учетом общих положений о договоре» [4, с. 89].

Вышеприведенные положения приводят нас к выводу о том, что *баланс управленческого и самоорганизационного начал* в договорном правовом регулировании во многом определяется конкретным видом договорного обязательства.

К договорам, при заключении и исполнении которых самоорганизационное начало оказывается значительно ограниченным посредством централизованной законодательной регламентации, следует отнести *трудовые контракты*.

Несмотря на то, что в отечественной правовой доктрине отрасль трудового права принято относить к частноправовому сегменту правовой системы, очевидно, что трудовые отношения являются специфическими с точки зрения нагруженности их элементами властных управленческих отношений. Возлагая на себя трудовые обязательства, работник, помимо прочего, обязуется выполнять предписания действующего трудового законодательства, условия заключенного трудового договора, внутренние локальные акты работодателя, его оперативные распоряжения.

По сравнению с участниками гражданско-правовых договоров, свобода воли и инициатива работника, заключившего трудовой контракт, гораздо более ограничены посредством внешнего (законодательного) и внутреннего (локального) управленческого воздействия. Кроме того, работник фактически лишен возможности участвовать в выборе формы заключаемого соглашения с рабо-

тодателем, в определении его условий. Данные параметры трудовых контрактов, как правило, заранее определены законодательными и локальными нормативно-правовыми актами.

Управленческий фактор в механизме договорного правового регулирования не исчерпывается лишь законодательной регламентацией самого института договора. Он также проявляет себя в том детерминирующем воздействии, которое оказывают на сознание, волю и поведение субъектов сами условия заключенного ими соглашения.

Речь идет о том, что сам договор (прежде всего, субъективные права и юридические обязанности его сторон), выступает в правовом регулировании существенным управленческим фактором. Взятые на себя участниками соглашения обязательства мотивируют их к совершению тех или иных правореализационных действий, и, таким, образом, управляют их поведением. Действуя свободно, инициативно и самостоятельно, субъекты договора, тем не менее, оказываются под воздействием положений заключенного контракта.

Еще одной формой выражения действия параметра управления в договорном регулировании следует считать публично-правовые механизмы обеспечения надлежащего исполнения договорных обязательств. Известно, что договорная форма регулирования частноправовых коммуникаций обеспечена не только позитивной юридической ответственностью участников соглашений, но также и правовыми механизмами государственно-властного характера, потенциал которых стороны договора могут использовать в необходимом случае.

Структура механизма прямой правореализации, включающего в себя договорные компоненты, потенциально предусматривает не только акты добровольной беспрепятственной реализации права, но и факультативные правовые средства гарантирующего, правообеспечительного характера. Последние могут быть задействованы в необходимых случаях (например, в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения сторонами своих договорных обязательств) для обеспечения надлежащего соблюдения условий договора и защиты законных прав и интересов участников заключенного соглашения. К таким факультативным правовым средствам относятся, прежде всего, процессуальные меры, принимаемые государственными (чаще всего – судебными) органами власти, а также принимаемые ими соответствующие правоприменительные акты.

Акты применения права играют в механизме прямой договорной правореализации гарантиру-

ющую роль, выступают средствами своего рода «коррекции» поведения участников договорного регулирования, в случаях отклонения моделей их поведения от предусмотренных законом и договором правовых алгоритмов.

Таким образом, если для надлежащей реализации условий заключенного контракта самоорганизационного ресурса договорного регулирования оказывается недостаточно, по инициативе сторон соглашения к нему может быть «подключен» внешний управленческий параметр властно-публичного воздействия. Само его потенциальное наличие, возможность его использования выступает в договорном регулировании правоотношений важной гарантией, содействующей добросовестному надлежащему исполнению сторонами своих договорных обязательств.

Обобщая вышесказанное, заметим, что рамки управленческой нормативной регламентации в договорных механизмах непосредственной реализации права являются более ограниченными, чем в подобных механизмах, используемых в публично-правовой сфере. Нормативные установления законодательства регламентируют содержательные и формальные параметры договорного регулирования в более или менее общей, абстрактной форме, формируя своего рода «эскизы», «скелеты» для последующей индивидуальной правовой регламентации соответствующих социальных интеракций.

Практическая реализация законодательных установлений, посвященных вопросам договорного права, сама по себе не способна реализовать потенциал правового регулирования, привести в действие индивидуальный договор как правовой инструмент, раскрыть в полной мере его регулятивно-функциональный потенциал. Реализация такого потенциала в полной мере становится возможной лишь при условии инициативной свободной и творческой активности участников договорного процесса. «Движущим механизмом договора как правового регулятора, – отмечает Б. И. Пугинский, – является инициатива, автономная воля субъектов, согласовываемая в договорном обязательстве» [4, с. 72].

Фундаментальным условием самоорганизационных оснований процессов договорного правового регулирования, как нами уже было отмечено, выступает факт автономии воли и свободы волеизъявления участников договорного процесса. Однако сама по себе свободная воля не может вызвать к жизни договорные правоотношения. Такие отношения невозможны без согласования интересов участников договорного процесса, без достижения между ними соответствующего *соглашения*. Именно данный юридический факт

вызывает к жизни договорное правовое отношение. Т. К. Примак отмечает, что: «в самом широком смысле институт договора – это согласованное поведение, то есть организационные формы деятельности, внешние проявления которых имеют многозначный характер и обширный круг применения в социальной, экономической, политической, правовой и др. сферах» [3, с. 10].

Действительно, сама логика развития договорного процесса определяет, что в основании заключения любого договора лежит факт достижения консенсуса по наиболее существенным вопросам, факт согласования интересов сторон, условное «слияние» воли отдельных участников контракта в единую «общую» волю. Данный способ правовой регламентации выступает наиболее оптимальной правовой формой, позволяющей в полной мере учесть в правовом регулировании интересы всех заинтересованных субъектов, максимально расширить начала диспозитивности и самоорганизации в регламентации общественных связей.

Акт свободного согласования интересов и воли участников договорного процесса и достижения на этой основе приемлемого для сторон соглашения выступает одним из проявлений *самоорганизационного (синергетического) эффекта* в правовом регулировании. В данном акте проявляется момент синхронного кооперационного одноподчиненного действия.

Наличие таких эффектов в процессах договорного регулирования делает актуальным использование синергетической методологии при изучении данных регулятивных процессов. На данное обстоятельство было обращено внимание некоторых правоведов [6, с. 43-46; 4, с. 53-55, 69]. Так, И. В. Цветков заметил, что «гражданско-правовой договор является главным правовым средством организации и управления рыночными производственными отношениями, обеспечения формирования в них необходимых для прогресса синергетических взаимосвязей посредством оптимального соединения (согласования) противоречивых экономических интересов субъектов названных отношений» [6, с. 46].

Именно эффект координации воли нескольких автономно действующих участников наделяет индивидуальный договор его особой «правовой энергией», превращает его в инструмент оптимальной и эффективной в большинстве случаев практической реализации потребностей и интересов заключающих его субъектов. «Совмещение двух волей, – пишет Б. И. Пугинский, – достигаемое в заключаемом договоре, делает субъектов сильнее не вдвое, а значительно более в силу присущих договору синергетических свойств. Предпринимательский результат – это результирующая

траектория, определяемая совокупностью волевых решений субъектов, имеющих собственную свободу воли» [4, с. 69].

Действие упомянутого координационного эффекта, демонстрирующего на стадии заключения индивидуального правового договора, продолжается далее и на этапе исполнения его условий, при совершении его участниками разного рода правореализационных действий. Реализуя свои взаимные субъективные права и юридические обязанности, стороны договора действуют согласованно в соответствии с условиями заключенного соглашения, координируя при этом акты своего поведения. Таким образом, само заключенное ими соглашение становится доминирующим параметром, определяющим их скоординированное поведение.

Однако, помимо эффекта кооперации, во взаимодействии сторон договора проявляет себя и противоположный параметр – фактор конкуренции. Ведь при формально-юридическом консенсусе, выраженном в факте заключенного соглашения, фактические интересы сторон договора далеко не всегда являются идентичными, они нередко носят противоположный характер, а порой и прямо противоречат друг другу.

Подобное положение дел наблюдается, в частности, в ситуации, когда одна из сторон соглашения в момент заключения договора скрывала свои истинные намерения (притворная сделка), либо когда в процессе реализации договора интересы сторон (или одной из сторон) претерпели изменения. В последнем случае фактор изменения интереса сторон в реализации договора может стать новым параметром, способным изменить условия заключенного соглашения или привести к отказу от выполнения его на заключенных условиях.

Детерминирующим параметром, оказывающим влияние на поведение субъектов договорного обязательства на этапе его реализации, может выступить также *взаимное поведение контрагентов*. Стороны договорного обязательства, как правило, корректируют свои юридически значимые акты, связанные с реализацией заключенного контракта в зависимости от действий (бездействия) контрагента. Подобные прямые и обратные информационные связи, проявляющие себя в формах кооперации либо конфликта, оказывают существенное влияние на развитие правореализационного процесса.

Круг вопросов, рассмотренных в данном разделе работы, приводит нас к некоторым выводам. Индивидуальные правореализационные договоры выступают особым средством правовой регламентации социальных коммуникаций. В механизме договорного индивидуального регули-

рования они играют для участников соглашений роль прямого источника моделей их юридически значимого поведения.

Отчасти выступая формой конкретизации общих нормативно-правовых предписаний и реализуя таким образом управленческую регулятивную функцию на уровне индивидуальной регламентации социальных связей, частные договоры сами выступают источником взаимных субъективных прав и обязанностей их участников, средством конструирования конкретных правовых отношений. Эта особенность определяет место и функции индивидуальных договоров в общей конструкции механизма правового регулирования и механизма непосредственной реализации права.

Индивидуальное договорное правовое регулирование отличается своей спецификой, которая, помимо прочего, связана с преобладанием индивидуальной автономной регламентации над централизованной нормативной, самоорганизационного начала над управленческим. При этом грамотное сочетание управленческого и самоорганизационного параметров является существенным фактором, определяющим степень эффективности использования индивидуального договора в качестве инструмента правовой политики.

Список литературы:

[1] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 2008.

[2] Марченко М. Н. Источники права. Учебное пособие. М., 2008.

[3] Примак Т. К. Институт договора: теоретико-правовые вопросы. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009.

[4] Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. М., 2008.

[5] Тихомиров Ю. А. Договоры в экономике. М., 1993.

[6] Цветков И. В. Договорная дисциплина в хозяйственной деятельности предприятия: теория и практика. М., 2006.

[7] Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1972.

Spisok literatury:

[1] Braginskii M. I., Vitrianskii V. V. Dogovornoe pravo. Kniga pervai: Obshchie polozheniia. M., 2008.

[2] Marchenko M. N. Istochniki prava. Uchebnoe posobie. M., 2008.

[3] Primak T. K. Institut dogovora: teoretiko-pravovye voprosy. Avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk. M., 2009.

[4] Puginskii B. I. Teoriia i praktika dogovornogo regulirovaniia. M., 2008.

[5] Tikhomirov Iu. A. Dogovory v ekonomike. M., 1993.

[6] Tsvetkov I. V. Dogovornaia distsiplina v khoziaistvennoi deiatel'nosti predpriiatiia: teoriia i praktika. M., 2006.

[7] Iakovlev V. F. Grazhdansko-pravovoi metod regulirovaniia obshchestvennykh otnoshenii. Avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk. Sverdlovsk, 1972.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.